

На пути к Homo Noeticus: управление ноодинамикой креативных состояний сознания

// Ананьевские чтения – 2016: Психология: вчера, сегодня, завтра: материалы международной научной конференции, 25–29 октября 2016 г., в 2-х томах. Том 2./отв. ред. А.В. Шаболас, Н.В. Гришина, С.В. Медников, Д.Н. Волков – СПб.: Айсинг, 2016. – 460 с. //http://ananyev.spbu.ru/images/files/2016/AC16_proceedings_v2.pdf

Очередной техногенный взрыв цивилизации уже активно используется теми, кто намерен своеобразно применить возникшее в результате очень «оцифрованное», «кибернетизированное», «умнеющее на глазах» High-teck–железо. Оно помогает установить все большую власть над человечеством или увековечить «собранный по случаю» внушительный капитал своего рода. Современные технократы с оптимизмом констатируют, что паутина и социальные сети вкупе с искусственным интеллектом воплощают идею ноосферы в реальность.

В этих обстоятельствах обретает особую остроту и «вечно новая» проблема создания благоприятных условий для эволюции и может быть эмерджентности сознания, обеспечивающего перспективу HomoNoeticus. Еще в 60-х годах Б.Г. Ананьев по-сути в первом отечественном труде по полноценной антропологии принял в качестве одной из основных идею ноосферы в более широком духовном смысле, как это понимал П.Т. Шарден. Речь шла о духовном эйдетическом измерении индивидуальности. Позднее, в 70-80 годах 20 века HomoSapiens стал осознаваться опасным для себя и планеты техногенными революциями, особенно в сфере взаимоистребления и гиперпотребления. Поэтому одна из первых репрезентативных антологий по трансперсональной психологии ее редактором Дж. Уайтом прямо «Посвящается HomoNoeticus, рождающемуся ныне высшему виду человечества».

Развивая идеи о ноосферном масштабе всего спектра измененных состояний сознания (предмет современной трансперсональной психологии) мы предположили, что сама ноодинамика имеет транскомуникативную природу (преодоление границ между разнокачественными коммуникативными мирами – встреча с новым). Это позволило в лаборатории психологических практик ТГУ начать экспериментальную программу различения базового (Ч. Тарт), измененных (К. Уилбер и др.) и креативного состояний сознания (далее БСС, ИСС, КСС). КСС возникают в спектре ИСС, сохраняя транскомуникабельность с БСС (в этом его специфика). Дело в том, что почти архетипической является проблема невыразимости ярчайших впечатлений ИСС при попытке их перевода в БСС, существующая тысячелетия. В связи с тем, что КСС, сохраняя многие свойства ИСС не теряет транскомуникабельности с БСС, возникает перспектива обнаружения множества транскомуникативных эйдетических порталов между КСС и БСС, которые создают основу эмерджентной эволюции сознания на качественно новый уровень HomoNoeticus.

В лаборатории создана технология управления актуализацией КСС на основе интенсивного синестезического восприятия импровизации фрактала, синхронизированного со свободной музыкальной импровизацией. Создается впечатление, что хорошо гармонизированный динамический фрактал с одной стороны отображает эйдетику скрытой в природе гармонии, с другой же стороны он таким же образом отражает эйдетическую ноодинамику сознания человека; а синхронизированная синестезия гармонии визуального и аудиального планов ведут к расширению сознания в котором потенциально могут достигать взаимной гармонии (транскомуникабельности) ИСС, КСС и БСС.

При этом музыканты чувствуют себя вовлеченными в синхронизацию музыкальной и фрактальной динамик, что усиливает не только специфику их переживаний, но и тех, кто активно наблюдает за данным процессом. Первые эксперименты магистрантов с помощью контент-анализа изменений сознания до и после синестезического воздействия подтвердили достоверность предложенной модели. Но это лишь начало восстановления эйдетической ноэтической природы человека.

И вновь оказывается (по мнению юнгианцев У. Виртца и Й. Цобели из кн. «Жажда смысла...»): «Изучение сознания – это новый научный тренд... психическое созревание – как эволюция и развертывание сознания. При этом сознание рассматривают как общность опыта и переживания... «абсолютной потенциальности»... самости, мира и абсолюта... дух нашей эпохи лишь теперь выглядит созревшим, чтобы считать внутренний опыт легитимным и научным подходом к исследованию реальности... наука все более обращается к недогматической духовности» [1. С. 8].

А в разделе «Практика ноотерапии» они же заключают: «Созерцание подразумевает «взгляд больший, чем зрение... видящий и видимое взаимосвязаны... В этом парадоксе возникает возможность погрузиться в суть вещей, т.е. – одновременно – и в собственную суть... Граница между психотерапией и ноотерапией, которую Петцольд называет «переходом», видится нам как граница между частичным и общим смыслом» [1. С. 243].

В одной из первых репрезентативных антологий по трансперсональной психологии, ее редактор Дж. Уайт пишет: «Прямое восприятие нашей тождественности с бесконечным, эта ноэтическая реализация нашей идентичности с божественным, становится источником всего возможного – счастья, доброты, красоты и истины» [2. С. 17]. Примечательно, что вся книга прямо «Посвящается Homo Noeticus, рождающемуся ныне высшему виду человечества» [2. С. 7]. Измерить или даже вообразить высоту этой поднятой планки для сознания современного гипер-кибер-технизированного человека возможно ли?

Исторические парадоксы концептуализации сознания

Разговор о проблеме эмерджентности сознания с точки зрения Дж. Уайта о ноэтической реализации нашей высшей идентичности с Абсолютом легче начать с исторических «эмерджентий» в самом понимании сознания. Чувство идентичности с чем-либо уже означает проблеск сознания определенного типа – в данном случае ноэтического [3]. В указанном контексте можно лишь констатировать, что Возможно, опасения были своевременными, поскольку «техногенция» не только клонов, но и самих типов сознания для технократов уже стала актуальной задачей, как, например, для стратегического общественного движения «Россия 2045» [4]. Но историческая ирония в том, что влечение к идентификации с высшими силами космического масштаба было более острым и естественным в самые древние, архаические, архетипические времена рождения человеческого в человеке.

В отличие от современного человека абсорбированного и защищенного цивилизацией, древнему пра-человеку космос был ближе и значительнее. За результирующим чувством космической идентичности я вижу как минимум космическую эмпатию и децентрацию как факторы *коммуникативной инициативы*. Поскольку эти движения души с коммуникативным и сознательным проблеском по сути синхронистичны, даже синтонны, то именно здесь видится начало Большого синтеза человека. Если современные исследователи по-прежнему мучаются загадками сознания¹ [5], то обычному человеку достаточно, что он «знает, что знает». Он обычно уже забыл, как в детстве чувствовал сначала также, «что знают ведь (Другие), что знаю». Древний человек, как и «архаическое дитя» чувствовал больше – «знает Он (!), что знаю». Под «Он» понималась любая высшая

¹Здесь сошлемся лишь на веселый обзор К. А. Свасьяна Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. М. : Академический Проект, 2010. 206 с. [5].

сущность, которая вообще больше знает и может. Наиболее древние археологические находки мест жертвоприношений, захоронений, пещерных собраний содержат символические изображения охоты, говорящие об изощренных способах отображения присутствия и соучастия высших сил. Упоминание об этих общеизвестных фактах для нас лишь способ формулирования дискуссионной гипотезы: проблеск человеческого сознания непосредственно связан не только с обыденной, но и ритуальной коммуникацией как метакоммуникацией с высшими силами, сущностями, общением с которыми, судя по разнообразию жертвоприношений было особенно значимым.

Современные исследователи метакоммуникации сводят ее просто к «коммуникации о коммуникации» (Г. Бейтсон, П. Вацлавик). Однако, всматриваясь в исторический горизонт зари человечества, может быть поставлен вопрос – как такой уровень рефлексии вообще мог возникнуть. Ясно, что речь уже идет как минимум о самосознании как внутренней (обращенной на себя и себе) коммуникации. Не только обычные люди, но и близкие к обсуждаемым вопросам профессионалы (лингвисты, психологи, особенно педагоги) легко включают в устное общение и в письменные тексты такие архаические обороты: «отдают» ли, или «не отдают» люди или «я» «себе отчет». Педагоги делают автоматические внушения «Отдавай себе (здесь интроект – «Мне») отчет, что ты себе позволяешь! Будь сознателен! (значит и «ответственен»)».

Сверхочевидность понимания того, что сознание и коммуникация – это грани единого процесса, видимо, мешает психологам системно, артикулировано описать сознание-самосознание. Кто же именно, как, кому и зачем «отдает отчет», какие более содержательные и качественные способы внутренней коммуникации-сознания существуют? Что это за способы, в которых внезапно пробуждается *совесть* бездонной глубины или бесконечной высоты, когда она, молча и гармонично «участвует», когда *метакоммуникация высшего порядка* объемлет общение с самим и собой, и возможно с другими?

Обозначим несколько исторических акцентов, показывающих парадоксальную нелинейность пути эмерджентий в понимании сознания. Они важны для анализа собственно его *концептуальных* эмерджентий в указанном направлении. Поскольку слова «концепт» и «концептуализация» будут использованы в качестве основных, следует сразу уточнить их специфическую семантику, часто игнорируемую. В отличие от искусственных научных изобретений в виде «терминов», «понятий», «конструктов», «категорий», «маркеров», «дескриптов» и т.п., слово «концепт» означает «естественно творческий» *смысловой зародыш*, естественное *смысловое зерно*. Оно является сутью того, что потом многократно будет обрабатываться в виде термина, понятия, категории и даже теории как элемента или фактора научных построений и технологических конструкций. При этом всегда будет оставаться ностальгия о том, из чего это получено.

«*Концепт* обнаруживает связь с глаголом *concebir* «зачать, забеременеть ... вообразить ... употребляя этот термин стремятся подчеркнуть нестандартность и неокончателность решения... понятия *конструируются*, а концепты существуют сами по себе ... понятия «наивны» в разной степени... И чем понятие ближе к концепту, тем оно менее наивно» [6.С. 662].

Один из первых отечественных трансперсоналогов В.В. Налимов приводит мысли Анаксагора, «зачаровывающего, если не сказать таинственного персонажа философии досократиков» [7.С. 162]. Загадка, оставленная им, до сих пор не концептуализирована и оставляет имплицитный или вполне эксплицированный дуализм в понимании универсума современниками. «Все вещи содержат долю всего. Ум же есть нечто неограниченное и самовластное, и не смешан ни с одной вещью... И все, чему суждено было быть, и все, что было, но чего теперь нет, и все, что есть теперь и будет в будущем – все это упорядочил ум» [7. С.164]. При этом «Вещь и мир не автономны, между ними нет интервалов: все было и есть континуум... в универсуме Анаксагора» – пишет ведущий комментатор Теодорссон [7.С. 164].

Эту континуальную голографичность универсума при *соучастии* в нем Ноэзиса (Ума) *при несмешиваемости* (!) невозможно объяснить и понять без концепта ноэтической транскомуникации, проходящей через человека. Ранее мы иллюстрировали это фактологически [8]. Смысл слезы организма человека, переживающего смысл истории, написанной уже несуществующим автором, возможен только в контексте подобной транскомуникативной ситуации; иначе это может быть не катарсис, а слеза, очищающая глаз от соринки. Здесь при наличии явного трансмыслового влияния на органическом уровне мысль остается мыслью со всеми ее ноэтическими качествами, а органическая реакция сохраняется как измененное состояние организма, но уже в *контексте новой ноэтической гармонии*.

Теоретически нет оснований определять границы луча нисходящей ноэтической транскомуникации. Известно, что физики с удивлением обнаружили и зафиксировали факт влияния ноэтического участия наблюдателя на поведение элементарных частиц. ДНК продолжает жизнь любой живой клетки именно коммуникативным образом, т.е. процесс организуется как передача информации от материнской к дочерней клетке. Здесь открывается стратегическая перспектива исследований. Если вернуться к «Я» как к условному центру сознания человека, то можно предполагать наличие фундаментальных сознательных ноэтико-транскомуникативных эмерджентий и метаморфоз в соответствующих психологических практиках прошлого и будущего.

Этот исходный историко-футурологический экскурс позволит проще взглянуть на *современную* сугубо научную историю проблемы. Она симптоматично удачно начинается с концепта «*космического сознания*» Р. Бёкка, эквивалентного феноменологии «*просветления*» и ноэтическому масштабу *экспириентальных* практик [2]. В признаках космического сознания как мгновенного просветления видны признаки восходящей ноэтической транскомуникации. Вот примеры: «поглощенность пламенем или облаком... ощущение того, что разум заполнился таким облаком»; «чувство радости, уверенности, триумфа... интеллектуальное озарение... ясная концепция (видение) в очертаниях смысла и назначения Вселенной... Он видит, что жизнь в человеке вечна... в сердце вещей он был у себя дома»; «прибавление личностного шарма»; «при великих случаях интенсивного озарения перемена во внешнем облике тоже интенсивна и может стать настоящим «преображением»» [2. С. 35 – 38]. Здесь видны имплицитные косвенные характеристики ноэтической транскомуникации.

Важно, что работа Р. Бекка увидела свет в 1901 г. И это пример смелой сугубо экспириентальной психологии, которая с точки зрения классической позитивистской экспериментальной науки не будет убедительной.

В продолжении темы представляет актуальный исторический интерес концептуальная система символического интеракционизма Дж. Г. Мида и его последователей. Это эмпирически детализированная система представлений о сознании как внутренней коммуникации между центральными инстанциями сознания человека: «I», «Me» и «Self». Здесь коммуникация внутренне хорошо дифференцирована и артикулирована, рельефно показан онтогенез на основе естественной «интернализации значимых других». Она поучительна и сейчас, но в отличии от ноэтического аспекта, в интеракционизме в дальнейшем сделан акцент на развитии *ролевых концепций личности*, общения и групповой динамики [9].

Синхронно с идеями Дж. Мида развивались идеи «диалогического сознания» М. М. Бахтина и концепция интериоризации высших психических функций в контексте их исходного интерперсонального существования в общении «взрослый – ребенок» Л. С. Выготского. Эти концепции более операциональны и экспериментальны. А потеря трансперсонального видения уже и не рефлексруется. Но еще сохраняется явный общеантропологический и кросскультурный потенциал исследований, обрамленный более жесткой научной парадигмой.

В 1949 году публикуется знаковая монография «Происхождение и развитие сознания» Э. Нойманна – одного из наиболее ярких последователей К.Г. Юнга, работы которого полстолетия готовили почву трансперсонального видения сознания. Во введении Э. Нойманн пишет: «Понимание общечеловеческих истоков трансперсональной реальности заставило нас признать относительность нашей собственной позиции...Творческая эволюция сознания личности означает, что в течении непрерывного процесса, растянувшегося на тысячелетия, система сознательного впитывала в себя все больше и больше бессознательного материала и таким образом, шаг за шагом расширяла свои границы.... Каждое историческое исследование...должно поэтому начинаться с трансперсонального...развитие сознания через архетипические стадии – это трансперсональныйфакт, динамическое саморазвертывание психической структуры, возвышающейся над историей человечества и индивида»[10.С. 11 – 15].

Возможно, эта позиция воспримется сейчас как весьма тенденциозная, но книга системно и богато иллюстрирована фактологически. Автор приходит, например, к таким выводам: «Благодаря символу сознание человека становится одухотворенным и, в конце концов, приходит к самоосознанию... «передающая смысл» функция символов и архетипов имеет также и эмоциональную сторону, и эмоциональность, которую они пробуждают, также является направленной; т.е. она обладает смысловым и организующим характером»[10.С. 380]. Эти идеи очень созвучны идеям Анаксагора и Платона; здесь имплицитно присутствует неистребимая человеческая интенция к восходящей нозитическойтранскоммуникации. В этом контексте важно, что «Посредством символа архетипы прорываются через творческую личность в сознательный мир культуры...трансформируют и расширяют жизнь коллектива, предоставляя ему и индивиду основу, которая только и наделяет жизнь смыслом» [10.С. 387].

Следуя хронологии, нельзя обойти вторую, также репрезентативную антологию «Пути за пределы «Эго» – трансперсональная перспектива»[11]. Ориентация на расширение спектра состояний сознания представлена в ней еще более настойчиво и системно, Р. Уолш и Ф. Воон – ее редакторы – уже во введении делают «два существенных вывода. Во-первых, более высокие состояния сознания, обеспечивающие приобретение новых возможностей, *доступны всем людям.* Во-вторых, обычное состояние сознания, которое мы привыкли считать наилучшим, на самом деле ниже оптимального» [11.С.23].

В то же время в разделе «Загадка сознания» они раскрывают необходимость более глубокой и показательной для поставленной здесь *проблемы концептуализации* многомерной и холистической реальности сознания: «одна крайность отбрасывает сознание как фикцию, «имя для несуществующего». Другая (абсолютный идеализм) провозглашает его фундаментальным основанием реальности... Сознание низводилось до «болезни жизни (Ф. Ницше) и возвеличивалось до бесконечно блаженного состояния...Следовательно, предельная природа сознания *непостижимая немислима.* Всякая попытка описать эту реальность порождает парадокс...сознание невозможно воспринять или адекватно постичь; его можно познать посредством прямой интуиции. И эта прямая интуиция сознания и трансментальная сфера развивают мудрость...»[11.С.27 – 29].

Здесь описан спектр антиномий сознания (далеко не полный), требующих концептуализации, которая, однако, еще не рефлексивируется как атрибутивное качество самого сознания.Что пробуждает мысль,мыслеобраз, воображение, образующие поток сознания, как ни сами «парадоксы», противоречия, которыми и живет сознание. «*Концептуальные вспышки*» или *рождающиеся концепты* открывают и символизируют более глубокую и высокую реальность по сравнению с очевидной и обыденной. Без понимания этого, человеку трудно осознать концептуальные открытия и прозрения, которые зовут его к открытию неочевидной, но более яркой реальности измененных состояний сознания (ИСС).

Здесь авторы не назвали главные антиномические концептуальные ядра или смысловые зародыши прямой интуиции и мудрости. Парадоксы, связанные с интуицией, предчувствиями и прозрениями, на протяжении всей истории тревожат и поражают людей. Они представляют собой противоречие между яркостью их переживания и невозможностью уяснить себе и объяснить другим их источник. И тогда отчетливо открывается *фактор доверия* чутью и предчувствию, перерастающий иногда в *интуитивную веру*, видимо в контексте *концепта мудрости*. Этот концепт содержит противоречие между высшим достижением духовного достоинства и пониманием своей малости перед открывающимся величием мира, взывающего к смирению, жертвенности. Мудрость открывает этим *высшие концепты сознания*, которые *объединяются в совесть*, отражающей высшие моменты *транскоммуникабельности сознания*.

Однако приближаясь к новейшей истории осознания «сознания» необходимо отметить важные изменения общего социального контекста. Современная информационно-технологическая цивилизация, грозящая «четвертой промышленной революцией» [12], уже в середине прошлого века вызвала интересные и странные сдвиги в сознании человека, подмеченные тогда же А. Модем. Он связал появление «войлочного сознания» с бурным развитием и влиянием на человека всех каналов массовой коммуникации, особенно телевидения. «Войлочное сознание» качественно отличается от классического энциклопедического сознания, тяготеющего к холистичности и «космизму», крайней дискретностью, фрагментарностью, измельченностью, диффузностью, беспорядочностью. При этом сохраняется ощущение плотности и связанности как беспорядочно спрессованных коротких ворсинок в войлоке [13].

Современные компьютер и интернет превратили эту «войлочную шляпу сознания» нового Homo Sapiens в виртуальную, а само сознание стали называть «клиповым». Это ускорило дистанционную коммуникацию, трансформировав даже письменные дискурсы в сторону их укорочения и хаотичности. И вот мы давно уже слышим наиболее часто повторяемое слово-сорняк, применяемое как междометье: «Короче!». Тысячелетиями выражали развивающееся классическое сознание *символами ауры*. Над *символами современного сознания* в виде техногенных виртуальных облаков, которое усилено взаимодействием электронно синхронизированных полушарий мозга в диффузной игровой коммуникативной сети – стоило бы, пока не поздно, концептуально помыслить.

High-tech – эйфория *трансгуманистов* уже известна как «Революция сознания 2045» [4]. Адекватность такого «трансфутуризма» оставим для анализа еще пока не исчезнувшим специалистам полярных профессий для образования важного трансфессионального антиномического концептуального прорыва. Напомним о предположении Анаксагора о «*континуальном единстве*» ноэтической концептуальности сознания и природы при их несмешиваемости. Но в таком случае экологических катастроф планеты, порожденных цивилизационным сознанием современного Homo Sapiens, не должно быть. А может быть возник реальный экологический кризис самого этого сознания?

Объединим «войлочную шляпу сознания» человека медийного и виртуальную шляпу предельно укороченного клипового сознания «Человека-Net». Вот спонтанное высказывание в интервью одного из самых знаменитых скрипачей и дирижеров XX века, большого гуманиста и человека мира Иегуди Менухина [14.С.242] на вопрос: «является ли технология... движущей силой эволюции?... нужно принимать во внимание недостатки, которые приобретаются вместе с введением новых технологий ... Например, негативные последствия, ... отразившиеся на чтении и письме, – это *потеря памяти и интуиции*... Компьютер в действительности влечет за собой потерю способности к отвлеченному мышлению. Любой прогресс чреват потерями» [14.С. 258].

Все эти признаки атрофии *ноэтической ауры сознания*, символизирующей о предназначении человека, вполне могут интерпретироваться как симптомы *кризиса ноэтической экологии* сознания современного человека. Так вызовет ли кризис «сознания 3.0» [15] в единстве с кризисом «природа 3.0» долгожданную эмерджентную мерджентцию сознания на пути к HomoNoeticus через открытие нового портала его транскоммунитивной концептуализации? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, обобщим выводы современных отечественных коллег.

Приведу итог увлекательного и дискуссионного «Методологического путешествия по океану бессознательного к таинственному острову сознания» [16], сформулированный самим В.М. Аллахвердовым (всегда удивительно интересным): «естественнонаучному изучению и теоретическому описанию подлежит только работа механизма сознания. А осознаваемое содержание результатов его работы, всегда насыщенное смыслами, может описываться по правилам игры, принятым в гуманитарных науках» [16.С. 333]. Автор изящно сформулировал парадоксы в позициях многих исследователей, которые стимулировали его путешествие, для того, чтобы акцентировать постулаты своей «психологии». К счастью, в основных выводах их осталось достаточно, чтобы результат путешествия подавал признаки жизни, т.е. возможность его концептуализаций.

В выводе честно *вновь* (который раз!) провозглашена *дуальность* жизни человека, его сознания. На языке нашей работы, это, например, значит, что из «концептуального откровения» Анаксагора вырван и абсолютизирован тезис о «несмешиваемости» ноэтического и естественного. Но тогда оставлен в тени второй тезис *целостного* откровения об их континуальном единстве и организующем начале в нем ноэтического. Сложно сказать, найдена ли нами окончательная и достаточная концептуализация парадокса Анаксагора, но два направления переживаются и рефлексированы достаточно ясно.

Во-первых, *онтологически* этот парадокс континуального (бесконечного) единства несмешиваемого просматривается в *транскоммунитивности* органического начала и ноэтической интенции в человеке; экспириентальные рефлексии и специальные (т.н. «аутогенные») практики этого несметны.

Во-вторых, методологически этот парадокс решился бы даже проще – *подобное измеряется подобным* как в естественных, так и гуманитарных науках. Нужно всего лишь довериться опыту транскоммунитивности сознания по вертикали (восходяще-нисходящей) и по горизонтали (импрессивно-экспрессивной) [8]. В таком случае искусственный разлом содержательной динамики сознания становится не нужен.

Остается вопрос – так ли такой «*неонатуралистический*» *откат* (как в эпоху ренессанса) нелинеен и неслучаен? Если обратить внимание на резкое сближение *когнитивных* и *нейронаук* до той степени, что различия между ними многими *вновь* перестают замечаться, то появление нейро-High-tech-эйфории трансгуманистов уже не выглядит случайным. Эта тенденция не помешала В.Е. Ключко развернуть интересную схему семимерного мира человека [17]. На основе *дополнения* к четырехмерному физическому пространству-времени трех системно-уровневых измерений сознания – *предметного* (значимого), *смыслового* и *ценностного* получается с точки зрения науки XX столетия убедительно полноценная постнеклассическая модель бытия человека.

Правда, это видение человеческого *бытия* остается *до-трансперсональным*, поскольку высший его горизонт – ценностный – остается привычно «закрепленным в культуре». И, тогда, «...пространство, сближающее человека с другими людьми в силу тождественности их миров...определяется единым источником, из которого вычерпываются ценности. Этим источником является *культура как совокупный общественный продукт* исторического развития цивилизации» [17.С. 150]. К счастью или сожалению здесь проблема концептуализации ценностно-смысловых парадоксов в сознании человека культуры «как совокупного общественного продукта» не возникает. В то же время уже у ребенка после 12 лет в связи с «актуализацией потребности в самореализации и

саморазвитию...к разрешению противоречий между «хочу» и «могу» подключится и мышление...если понимать его как проявление творчества, направленного на созидание себя как целостности в случае *глубинного расхождения* между образом жизни и образом мира» [17. С. 151]. Таким образом, возникновение антиномической концептуализации в сознании развивающейся личности определенно предполагается.

Завершая этот интуитивно избирательный экскурс в исторические эмерджентии возможных концептуализаций сознания, остановимся на последней по хронологии крупной монографии В.Ф. Петренко «Многомерное сознание: психосемантическая парадигма». Это живая энциклопедия возможных конструктивно-концептуальных эмерджентий в очень разных измерениях, которые могут восприниматься как разнокачественные порталы. Обращает внимание иное видение различий между динамической и содержательной сторонами сознания: «Психосемантика как родственная ей психолингвистика исследует формы существования значения в человеческом сознании, но если интерес психолингвистики сосредоточен в первую очередь на проблемах порождения речевого высказывания, то психосемантика рассматривает главным образом содержание сознания...»[18.С. 58].

Здесь легко увидеть, что *перспектива концептуализации сознания* находится на пересечении этих дисциплин, когда открываются взаимозависимости между содержанием и формой выражения значимых идей и мыслей. Это выразительно показывает сам автор в последнем разделе «Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналогии литературных тропов». На стыке таких разномодальных представлений и мировоззрений (картин мира) возникают наиболее емкие трансмодальные и транскоммунитивные концептуализации высокого порядка, ассимилирующие и сложные, и красивые парадоксы. «Рассмотрение поэзии и живописи...приемов работы со смыслами...необходимо требует расширения понятийного тезауруса...введение в него в качестве рабочих таких понятий как «энергия», «эмпатия»... «синхроничность», «измененные формы сознания», «магия слова» и «магия образа», «мысль-действие», «мыслеобраз»...» [18.С. 420–421]. Тут охвачен широкий спектр транскоммунитивных душевных реалий, которые прежде чем оформиться в категории и понятия, открывались сознанию человека в парадоксальных *символических ноэтических концептах*.

Такое завершение путешествия по историческим эмерджентиям концептуализации сознания удивляет отсутствием какой-то линейной тенденции в их интенциях. Но мало отметить нелинейность движения; эта хронология и динамика является примером *жизни многомерной ноэтической ризомы сознания*, его общечеловеческого эгрегора или ноосферы, правда, с некоторыми оговорками. Ж. Делез, один из главных авторов «концепта – конструкта» ризомы, начинает двигаться к ней, видимо, уже в попытке понять *парадоксальность смысла*. Вот лишь несколько штрихов. «Именно язык фиксирует эти пределы (например, конкретный момент, когда начинается «избыток»). Но так же именно язык переступает эти пределы, разрушая их в бесконечной эквивалентности неограниченного становления...» [19.С. 173]. И далее: «Как сказал Бергсон – мы не переходим от звуков к образам и от образов к смыслу: мы «с самого начала» помещены в смысл. Смысл подобен сфере, куда я уже помещен...» [19.С. 49]. И наконец: «Надо быть уже слишком «простым» самому, чтобы считать мысль простым самоочевидным актом, непричастным к игре всех сил бессознательного и всех сил нонсенса в бессознательном. Парадоксы увлекательны лишь тогда, когда инициируют мысль...Сила парадоксов в том..., что они позволяют нам присутствовать при генезисе противоречия» [19.С. 107]. Так, *антиномическая концептуализация ценностно-смысловых образований*, обнаруженная нами эмпирически с помощью Методики психосемантического графа (МПСГ) в 1978 г. [20], обсуждалась «альтернативно» настроенными мыслителями запада уже в 1969 г.

Но и книга Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Ризома» [21] вызвала, видимо, что-то в духе «морфогенетического резонанса» Р. Шелдрейка [22] в определенных кругах гуманитариев.

Ее стиль содержание живет и дышит смысловыми парадоксами концептов в их развитии. Она подтверждает гипотезу о «ноэтико-антиномическом» развитии и жизни в человеческом сознании концептов любого уровня. Резюмируем их смелую попытку альтернативно традициям по-новому взглянуть на очень разные формы реальности: «в отличии от деревьев и их корней ризома соединяет какую-либо одну точку с любой другой...она вводит в игру разные режимы знаков...Ризома не позволяет себе вернуться ни к Одному, ни к многому. Она не Одно, которое становится двумя...Она не многое, выводимое из Одного...Она сделана не из единиц, а из измерений, или, скорее, из подвижных направлений. У нее нет ни начала, ни конца, но всегда – середина, из которой она растет и переливается через край. Она *конструирует* линейные множества с изменениями...Такое множество меняет свои измерения только меняя собственную природу и подвергая себя метаморфозам» (вспомним Анаксагора) [21. С. 30]. Далее: «...ризома имеет дело с *картой*, которая должна быть произведена...всегда демонтируема, связуема, пересматриваема...ризома является акцентированной, неиерархической... без Генерала, «центрально автомата»... середина...где вещи набирают скорость...трансверсальное движение...без начала и конца»[21. С. 31]. Кажется, не проходит «ностальгия» по континуально-многомерному универсуму, ибо она изначальна. Можно сказать, что «метаконцепт» ризомы в то же время предвосхищен и стал концептуальным *открытием фрактальности мира* – сначала математически (Б. Мандельброт), затем технологически, трансфессионально (в архитектуре, экологии, искусстве) и сейчас формируется в качестве новой парадигмы миропонимания [23; 24].

Концептуально-конструктивные порталы креативных эмерджентий сознания

Исторический экскурс дает исходную почву для формирования гипотетических проектов и моделей *синтеза концептуальных и конструктивных эмерджентий сознания, а также управляемых ими порталов*. Совпадение во времени *концепта ризомы и конструктивно-технологической модели фрактальности* подтверждает гипотезу о явном ускорении появления все более широких возможностей креативных трансформаций интуитивно-смысловых концептов в конструктивные технологические решения. Предполагается, что креативные состояния сознания играют особую роль в общем спектре состояний сознания, *интегрируя его различные измененные состояния сознания (ИСС) с обычным базовым состоянием* на основе взаимной транскомуникабельности. Поэтому *порталы осознания*, как ускоренные качественные переходы (прорывы) интуитивно-смысловых мыслеобразов в конструктивные технологические решения, в процессах эмерджентии могут быть управляемы с помощью специальных психологических практик [25; 26].

На основе простых примеров представим характер переживаемых осознаваемых противоречий и креативных эмерджентий. Прошло много времени, прежде чем, человек, постоянно переживающий жару и холод, смог открыть их *объединяющий фактор-концепт*. Он открывал «технологии» укрощения огня. Концепт «температура» вел не только к множеству конструкций термометров, но и к открытиям современной термодинамики. Но сколько на это потребовалось времени? «Вечно молодой» *концепт энергии*, описанный еще древними индусами и «вновь переоткрытый», чуть не сделал «вечную материю» *пустой* (динамическая структура атома). Самоочевидное рискует оказаться иллюзией, а *неочевидная имплицитная реальность* (К.Юнг, Д. Бом) – «*реальнее реального*» [27].

Используем концепт «Вечность» как пример *суперконцепта*, который тысячелетия смущает и восхищает умы человечества, но с трудом поддается концептуализации и технологизации. Концепт времени, содержащий в себе парадокс, сам парадоксально быстро превратился в технологический конструкт. Сначала он имел лишь астрономический масштаб, а в современность вошел своими микроскопически точными «электронными» (субатомарными) масштабами. А концептуальный смысл времени? Его

физико-технологический конструкт разрывает его главные качества – прошлое, настоящее, будущее, превращая их в *фантом фатальной необратимости*, в каждый момент которой прошлого *уже нет*, а будущего *еще нет*.

Даже в синтаксисах многих языков сохранена *структура единства времен*: есть «будущее в прошлом», «прошлое в будущем», «бесконечно длящееся...и бесконечно ускользящее настоящее» (чем не пример ризомы). Если мы «второпях» отрываем от естественно противоречивого концепта его поверхностный конструктивно-технологический *«проект»*, он рискует остаться иллюзорно очень полезным и фатально фантомным. Впрочем, стоит обычному человеку взглянуть на *циферблат* своих часов, как в его сознании может восстановиться вся структура *единства времен сего / дня*, которая, при необходимости, может соотноситься со структурами других дней, как прошлых, так и будущих. Это наша обыденная способность сознания. Но если мы раздвигаем его горизонты за пределы нашей обычной жизни, возможны спонтанные выходы в «космические состояния сознания». Они сопровождаются не только выраженными креативными «пиковыми переживаниями» (А. Маслоу), но и «прикосновениями к вечности», открывающими интуитивные способности видения далекого прошлого и будущего.

Аналогичные эффекты можно наблюдать в медитативных путешествиях как при глубоком, так и при достаточно легком трансе. Это касается путешествий не только «сквозь время», но и «сквозь пространство», а также воображаемых выходов к запредельным «микро»- и «макрогоризонтам» [8; 28]. Эти экспириентальные самонаблюдения и хорошо сравнимые соизмеримые саморефлексии говорят о том, что порталы эмерджентий сознания от имплицитных смысловых концептов к их эксплицитным конструктивно-технологическим решениям, содержат важные и неожиданные возможности. Они стоят того, чтобы искать способы их прояснения. Речь идет о детальном анализе структурно-концептуальной психосемантической динамики трансово-медитативных путешествий в нозических практиках, например, с помощью МПСГ [29].

Впрочем, цена *«концептуальной бдительности»* также не может игнорироваться, иначе выход из концептуального тупика будет труднее и дороже. Лишь один пример. В монографии «Проблема символа в современной философии» К.А.Свасьян показывает «ловушку», в которую попал философ В. Адорно: «Оба члена антиномии – культура и жизнь – выявили свою реальную природу. Их неизбежным «эргоном» (как в логически-следственном, так и в онтически-вещном смысле) оказалась гибельность...Вся культура после Освенцима, включая и проникновенную критику ее, есть мусор» [30. С. 214]. Сам же он делает важный для философа «прорыв»: «тайное символа в том, что он не «закрытое чтение», а ритмический жест в сторону творчества жизни...» [30.С. 223]. Этим он вплотную приблизился к пониманию «общего фактора» творчества природы и культуры. Он – в их удивительной взаимной *транскоммуникабельности*[8].

Кроме нозических медитативных путешествий по главным порталам, направленно эксплицирующим в сознании особенности психогенной, или *ноопоэтической энергии, информации, пространства и времени*, дающих просветляющий эффект [8; 25; 26], мы проектируем *встречные влияния*. Например, мы ожидаем с помощью *эксплицированных физически визуальных и музыкальных фракталов и гармоний* активировать и повышать креативный потенциал порталов осознания в указанных измерениях. Это может повысить разнообразие и эффективность концептуально-конструктивных мыслеобразов и их психосемантических репрезентаций в экспириентальных рефлексиях, в МПСГ и других *проектных* продуктах. При этом интенционально-предметная направленность таких проектных репрезентаций может быть практически любой в зависимости от актуального запроса или вызова.

1. Виртц У., Цобели Й. Жажда смысла. Человек в экстремальных ситуациях. Пределы психотерапии. М. :Когито-Центр, 2014. 328 с.
2. Что такое просветление? / под.ред. Дж. Уайта. М. : Изд-во Трансперсонального Института, 1996. 326 с.
3. Психологический универсум человека нозического / под ред. В.И. Кабрина, Э.И. Мещеряковой. Сб. статей. Томск : Водолей, 1999. 384 с.
4. Стратегическое общественное движение. Эл.ресурс. // <http://2045.ru/>
5. Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. М. : Академический Проект, 2010. 206 с.
6. Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 2007. С. 606 – 622.
7. Налимов В.В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
8. Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскоммунитивный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. :Смысл, 2005. 248 с.
9. Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934.
10. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М. :Рефл-бук, Ваклер, 1998. 464 с.
11. Пути за пределы «Эго»: трансперсональная перспектива / под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М. : Изд-во Трансперсонального Института, 1996. 318 с.
12. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Switzerland, Genève, Cologne :World Economic Forum (January 11, 2016). 2016. 199 p.
13. Моль А. Социодинамика культуры. М. : Изд-во ЛКИ. 2008. 416 с.
14. Книга знаний: Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени. М. : Прогресс-Традиция, 2010. 504 с.
15. Кабрин В.И. Антропологическая или нозическаяэмерджентия сознания 3.0 // Сибирский психологический журнал № 50. 2013. С. 17 – 37.
16. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб : Речь, 2003. 368 с.
17. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системахб проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск : Томский государственный университет, 2005. 174 с.
18. Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М. : Новый хронограф, 2010. 440 с.
19. Делёз Ж. Логика смысла, М. Фуко TheatrumPhilosophicum. М. : Раритет, Екатеринбург : Деловая книга, 1998. 480 с.
20. Кабрин В.И. Исследование самореализации личности в структуре коммуникативного мира: диссертация ... канд. психол. наук. Ленинградский гос. университет, Ленинград. 1978.
21. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома. Эл.ресурс // https://vk.com/doc184482549_189854454?hash=fad6578b6e212adfe0&dl=98694f379ecda7539e
22. Шелдрейк Р. Новая наука о жизни. М. : РИПОЛ классик, 2005. 352 с.
23. Николаева Е. В. От ризомы и складки к фракталу // Вестник северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. Вып. 2. С.114 – 120.
24. Николаева Е.В. К типологии фракталов и теории культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. Вып. 13 (304). С. 127 – 134.

25. Кабрин В.И. Концепция творческой коммуникации (из опыта психологических практик) (статья) // Сибирский психологический журнал, № 40. 2011. С. 152 – 164.
26. Кабрин В.И. Транскоммуникабельность ценностно-смысловых концептов и когнитивно-конструктивных решений творческой личности (введение в ноэтический антропопоэзис) // Сибирский психологический журнал. 2014. № 54. С. 158 – 176.
27. Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М. : Мир идей, АО АКРОН, 1995. 432 с.
28. Гроф Ст. Путешествие в поисках себя. М. : Изд-во Трансперсонального Института, 1994. 342 с.
29. Кабрин В.И. Специфика синергии ценностных и когнитивных процессов в концептуальном развитии творческой личности // Вестник Томского государственного университета. № 379. 2014. С. 175 – 180.
30. Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии (Критика и анализ) М. : Академический Проект; Альма Матер, 2010. 224 с.